

Редколлегия:
А.Н. Сахаров, А.С. Сеньявский
(отв. редакторы)

Авторы:
Н.А. Араловец, Е.Н. Бикейкин,
Н.Ф. Бугай, О.М. Вербицкая, С.В. Видяйкин,
Е.И. Денискин, В.Б. Жиромская, Т.Ю. Задкова,
С.А. Ивлиев, Г.А. Куманев, А.Ю. Попов,
А.Н. Сахаров, А.С. Сеньявский, Е.С. Сеньявская,
А.К. Соколов, В.А. Сомов, А.В. Сперанский,
А.И. Репинецкий, В.А. Юрченков

НАРОД И ВОЙНА: очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. [Текст] / Н.А. Араловец, Е.Н. Бикейкин, Н.Ф. Бугай, О.М. Вербицкая и др.; отв. редакторы А.Н. Сахаров, А.С. Сеньявский. М.: Гриф и К, 2010.— 730 с.

Книга подготовлена Институтом российской истории РАН с привлечением материалов ряда региональных авторов. Она отражает современное состояние исследований истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. по теме «Народ и война», которая раскрывается комплексно, с разных сторон, в определенной последовательности, так, чтобы читатель имел возможность получить цельный и разносторонний образ, характеризующий заявленный предмет. Вместе с тем в книге представлены разнообразные авторские позиции и мнения. В ней освещены состояние советского народа накануне войны, мобилизующая роль государства в начале войны и на основных ее этапах, проблема идеологии военного периода и массовой психологии, ратный и трудовой подвиг народа, влияние войны на население страны. Охарактеризован социальный и социально-психологический феномен поколения победителей, отражены последствия войны. Наконец, показано, как сохраняется, эволюционирует, а нередко и искажается память о Великой Отечественной войне, правда о которой нуждается в активной защите и от беспамятства, и от некомпетентности, и от откровенных фальсификаций.

Книга адресована всем, кто интересуется историей Отечества в XX столетии.

ISBN 978-5-8125-1453-2

© Институт российской истории РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (от редколлегии)	6
Глава 1. Советский народ накануне войны	11
Облик народа к началу Великой Отечественной войны. (А.Н. Сахаров, В.Б. Жиромская).	11
Трудовые отношения в СССР в конце 1930-х гг. (А.К. Соколов).	48
Глава 2. Народ, война и мобилизующая роль государства	60
Война и эвакуация 1941—1942 гг. (Г.А. Куманев).	60
Социально-трудовые отношения на советских предприятиях в годы войны (А.К. Соколов)	93
Организация и руководство партизанским движением (А.Ю. Попов).	99
Глава 3. Идеология войны и психология народа (А.С. Сеньявский, Е.С. Сеньявская).	122
Идеология и психология войны: диалектика взаимосвязей.	122
Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны.	132
Идеологический фактор и морально-психологическое состояние армии и общества.	144
Психология фронтовой повседневности.	149
Формирование образа врага и психология отношения к противнику.	175
Героические символы Великой Отечественной.	200

Глава 4. Ратный подвиг народа	236
Ратный подвиг советских воинов (Г.А. Куманев).	236
Репрессированные граждане на защите Отечества (Н. Ф. Бугай).	272
Глава 5. Трудовой подвиг народа. Вклад регионов России в Победу.	295
Трудовой подвиг народа — один из решающих факторов Великой Победы (Г.А. Куманев) . . .	295
Духовный облик трудящихся периода Великой Отечественной войны. (В.А. Сомов) . .	333
Поволжье в годы войны (В.А. Юрченков, Е.Н. Бикейкин, Т.Ю. Задкова, СВ. Видяйкин, С.А. Ивлиев, Е.И. Денискин).	352
Военно-промышленный комплекс Среднего Поволжья в годы войны: проблема формирования и кадрового обеспечения (А.И. Репицкий).	400
Трудовой вклад населения Урала в Победу (А.В. Сперанский).	413
Северный Кавказ в годы Великой Отечественной войны (Н. Ф. Бугай).	438
Глава 6. Влияние войны на население страны.	
Повседневная жизнь в тылу.	462
Влияние войны на население в советском тылу (В. Б. Жиромская, Н.А. Араловец).	462
Демографические процессы в годы войны (О.М. Вербицкая).	488
Будни городского населения военного времени. (В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец) . . .	523
Повседневная жизнь деревни в годы войны (О.М. Вербицкая).	541

Глава 7. Поколение победителей — социальный и социально-психологический феномен (Е.С. Сениявская).	565
Фронтное поколение Великой Отечественной — феномен XX века	565
Условия формирования и динамика психологии фронтовиков в ходе войны	574
Поколение победителей в первые послевоенные годы.	592
Глава 8. Последствия войны.	605
Социально-экономические и демографические последствия войны (В.Б. Жиромская, Н.А. Ара- ловец).	605
Социально-трудовые отношения в послевоен- ном советском обществе (А.К. Соколов)	651
Глава 9. Память о Великой Отечественной войне (А.С. Сениявский, Е.С. Сениявская).	671
Официальная и народная память о войне в СССР.	671
Историческая память о войне в постсоветский период	685
Юбилейные даты и актуализация исторической памяти о войне.	703
Война в современном сознании немцев и русских	710

этом, используя бесценный источниковый багаж, наработанный в последние десятилетия, всесторонне оценивая события, факты, явления с высоты уже немалого исторического опыта и приобретенных теоретических знаний.

Цель данной книги — внести свою лепту в решение этой ответственной задачи. Она сформирована на базе исследований, проводимых сотрудниками Института российской истории РАН с привлечением материалов ряда региональных авторов. Это, прежде всего, книга исторических очерков, со свойственными этому жанру особенностями. Перед ней не ставилась задача всестороннего и полного освещения предмета анализа с единых концептуальных позиций, как это присуще монографическим работам. Здесь каждый автор представляет собственные, независимые научные наработки, свой взгляд на излагаемые сюжеты, свое решение непростых исторических проблем. Однако книга составлена так, что в ней присутствует единая логика освещения предмета, тематика «народ и война» высвечивается комплексно, с разных сторон, в определенной последовательности, так, чтобы читатель имел возможность получить достаточно цельный и разносторонний образ, характеризующий заявленный предмет.

Редакционная коллегия

ГЛАВА I

СОВЕТСКИЙ НАРОД НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

А.Н. Сахаров, В.Б. Жиромская

Облик народа к началу Великой Отечественной войны

Сегодня вряд ли кого-то, кроме убежденных адептов Сталина и его пропагандистских работ, докладов, выступлений, посвященных проблемам войны, могут убедить тезисы о решающей роли партии в победе над врагом, о великом преимуществе социалистического строя, ставшего базисом победы и о «животворном советском патриотизме». Несомненно, что в известной мере имело место и первое, и второе, и третье. Однако истоки подвига народа, обусловившего победу в беспримерном противоборстве с Германией и ее союзниками в 1941—1945 гг., выходят далеко за рамки этих пропагандистских клише прошлых лет. В реальности же встает монументальная народная глыба — мощная, противоречивая, разноликая, порой плохо сцепленная друг с другом, естественно, далеко не рафинированная, но и не такая примитивная и всему верящая, как она выглядит под пером все тех же адептов. Эта глыба в конце концов и придавила фашизм, потеряв при этом значительную часть своей первозданной массы.

Поэтому мы многого сегодня не поймем, если не остановимся на таком важном аспекте темы, как особенности социального, культурного облика и менталитета советских людей в канун войны, его изменения в ходе самой войны и на этапе ее победоносного завершения.

В особенностях облика и менталитета советского народа скрыты причины наших поражений и побед.

Историк прежде всего должен иметь в виду не некий лубочный вариант счастливого народа, отстоявшего свое счастье, положив на это 26,5 млн. жизней, а реальную картину населения огромной страны, которое лишь за двадцать с небольшим лет до начала кровопролитной войны круто изменило исторический вектор своего идеологического, социального, экономического развития. Это население испытало в ходе перемен мощные тектонические сдвиги, потеряв, с одной стороны, целые социальные пласты, а с другой — вознеся другую часть народа на исторический подиум. В ходе этих драматических общественных процессов формировались миллионные легионы людей, преданных Сталину и коммунистической партии, гордящиеся своим новым эксклюзивным положением в обществе, где быть простым человеком, выходцем из среды рабочих и беднейших крестьян становилось знаком социального качества. Эти легионы считали своей великой заслугой и новые стройки, и железные дороги, и новые воздвигнутые ими города. Но одновременно уходили в небытие другие легионы, происходил раскол общества, вызванный бесчеловечной коллективизацией сельского хозяйства, беспощадным преследованием религиозных конфессий, голодовками и нехватками, жестокими репрессиями зачастую ни в чем не повинных людей, которых победители с легким сердцем отправляли в тюрьмы и концентрационные лагеря.

И все это был единый, один и тот же народ, который вступил в войну 22 июня 1941 года, в войну, которая сплотила нацию воедино, отодвинула для многих в сторону былые обиды и страдания.

Преданность вождю и ненависть к сталинскому режиму, слабость и сила, проявившиеся в беспримерных самоотверженности и героизме, — проникновение в суть этих противоречий, порожденных духом того времени, самой советской системой, позволят понять и тяжкие поражения в 1941 г., и подъем в тылу, и победы в 1942—43 гг., приведшие к перелому в ходе войны, и Великую Победу в 1945.

Обстановка в канун войны была противоречивой и сложной. На сознание светских людей действовали, обуславливая мотивы их поступков, разные, прямо противоположные факторы.

С одной стороны, идеологический диктат, мощный поток официальной пропаганды, которая последовательно и активно формировала в сознании советских людей убеждение, что они являются первыми творцами «самого справедливого общества на земле» — социализма, ради чего можно «туже затянуть пояс», ограничив свои потребности самым необходимым. Эта идея пронизывала всю духовную, культурную жизнь людей через кинематограф, радио, театр, искусство. Эта идея была главной в воспитании детей, начиная с детского сада, во всех учебных заведениях. Пафос и оптимизм официальной пропаганды имели перед собой реальную основу. За короткий исторический срок аграрная, отсталая в техническом отношении, разоренная войнами страна была превращена ценой самоотверженного труда и лишений миллионов советских людей в индустриальную державу, ставшую в ранг передовых государств мира. Провозглашение всеобщего избирательного права, равенства мужчин и женщин, широкий доступ к образованию и бесплатному медицинскому обслуживанию, приобщение народных масс к искусству (развитие художественной самодеятельности, народных театров, творческих домов культуры и т.д.) — все это поддерживало авторитет власти в глазах советских граждан. Гордость за свою страну питали и научные достижения того времени во многих областях знания — геологии, химии, физики и т.д. Вся страна следила за освоением Севера, за успехами советской авиации. Все эти достижения официальная пропаганда связывала с именем вождя — Сталина. Все это было их собственное, свое родное, и за это люди были готовы идти на смерть.

Не случайно уже в первые дни войны миллионы советских патриотов подавали заявление с просьбой отправить на фронт, зачислить в народные ополчения.

Вместе с тем сознание советских людей намеренно формировалось односторонне, преследовалось инакомыслие, жестко ограничивался простор для свободного духовного развития личности путем навязывания «единственно верного учения о будущем человечества» — марксизма-ленинизма.

С другой стороны, оптимизм официальной пропаганды часто приходил в противоречие с реалиями жизни. Шквал политических репрессий, объявление честных людей «врагами народа», преследование религии порождали у людей сомнения в справедливости и праведности существующего режима.

Люди чувствовали себя «винтиками» в огромном безжалостном механизме существующей системы. Это порождало внутренний протест, беспокойство за себя и своих близких, за будущее своих детей. Репрессии держали людей в постоянной тревоге, которая усиливалась также ожиданием скорой и кровопролитной войны. Официальным заверениям правительства о том, что войны не будет или что она пройдет с малыми потерями на чужой земле, верили далеко не все.

Зато готовность стоять за родную землю была свойственна практически всем слоям общества — от низверженных дворян до крестьян, натерпевшихся от коллективизации. И не всегда патриотизм масс был тождествен преданности режиму.

В таком внутренне противоречивом состоянии советский народ встретил войну.

В 1920-х — начале 1930-х годов в составе советского общества произошли масштабные и глубокие изменения. По существу, к 1930 г. в стране жили и активно проявляли себя люди нескольких поколений. Во-первых, это те, кто родился еще в XIX в. и к окончанию первой трети нового века был уже в возрасте 50—60 лет; во-вторых, поколение, появившееся на свет в первые годы XX в., кому к 1930 г. было по 25—30 лет; в третьих, молодые люди до 20 лет.

В основном это было крестьянское население. По данным демографов, в начале XX в. 86,6 % населения России проживало в сельской местности и только 13,4 % были жителями

городов. 76,5 % этого населения составляли люди в возрасте до 50 лет; 23,9 % — от 1 до 9 лет; всего моложе 20 лет — 48,4 %. Вот эти две последние категории плюс те, кто появился на свет в первое десятилетие века, и составляли большую часть населения России в первой трети XX в. К середине 20-х гг. молодежь от 15 до 29 лет составляла по стране более трети ее населения. С 1917 г. они властно вступили на демографический, а значит, и исторический подиум. Именно им предстояло пройти сквозь все превратности российской истории вплоть до 1930 г.

Россия в эти грозные годы была одной из самых «молодых» стран в мире¹. Это было связано с тем, что по уровню рождаемости она стояла в то время на одном из первых мест, естественно, подавляющее большинство среди этой «молодежи» составляли благодаря общему удельному весу те же сельские жители. Заметим, что высокий уровень рождаемости — это следствие низкого уровня благосостояния народа и его потребностей, малой культуры, скромных запросов. Таков был облик народа с демографической точки зрения. К этому надо добавить невероятную динамичность этой части населения. Первая треть XX в. стала для России поистине временем миграций, в первую очередь сельского населения в города. Этот процесс, начавшийся интенсивно после отмены крепостного права, приобрел гигантские размеры во время переселенческой реформы П.А. Столыпина, но особенно — после Февральской революции, снявшей все сословные перегородки, и после Октябрьского переворота и начавшейся Гражданской войны, сдвинувшей народные пласты с веками насиженных мест.

Развертывавшаяся индустриализация страны сделала миграцию постоянным спутником российской жизни. Начался феноменальный исход стомиллионного крестьянского населения в города — как в старые, так и вновь создаваемые. Следствием этого «раскрестьянивания» стало не только изменение соотношения городского и сельского населения, но и, прежде всего, превращение на десятилетия жителей городов в носителей деревенских общинных и культурных

традиций, комплексов, менталитета, быта. Не успев сформироваться в качестве полноценных центров городской цивилизации со всеми ее плюсами и минусами, российские города оказались размытыми потоком сельского населения. Лишь в первое десятилетие века в Москву прибыло 700 тыс. человек, Петербург пополнился 1 млн. выходцев из деревни. Аналогичные явления имели место и в других городах России. После 1917 г., но особенно в 20-е гг., этот выход еще более увеличился. Так формировалась армия прежде нищих, обездоленных людей, рвущихся к новой жизни, которую они сначала наблюдали в городах из своих жалких лачуг, подвалов, сквозь подслеповатые окна рабочих бараков, а позднее, уже перебравшись в коммунальные квартиры доходных домов или заняв, на той же коммунальной основе, апартаменты уничтоженных революцией или бежавших за рубеж людей старого мира.

Особенно следует сказать о рабочих. Для этой большой, относительно сплоченной самими условиями работы и жизни группы населения была характерна неразрывная связь с деревней. Большинство рабочих в первой трети XX в. являлось выходцами из сельской местности, не порывало связи с землей, со своими деревенскими родственниками. Немало рабочих являлись таковыми, в силу все тех же миграционных процессов, лишь в первом поколении. Постоянное пополнение рабочих также происходило за счёт крестьян. Крестьянскими по составу являлись и сезонные призывы: вербовки рабочих на торфяные разработки, лесозаготовки и т.п. Неизгладимая печать крестьянской общинной ментальностиTM, традиций, привычек, уровня культуры и быта, отношения к труду лежала на облике рабочей сферы в 20-е — начале 30-х годов.

Характеристика молодых, обездоленных, мятущихся миллионов людей была бы неполной без данных об их образовательном уровне и, разумеется, об их общей культуре, которые, естественно, были тесно связаны с социальным положением населения. Закономерным являлось то обстоятельство, что в начале XX в. Россия занимала одно из последних мест в Европе по уровню грамотности населения. Всего грамотных

в стране в ту пору насчитывалось 21 %. При этом 3/4 сельского населения и 59,2 % горожан были вообще неграмотными. Катастрофически низким был уровень грамотности среди народов окраин России — лишь 3,6 %. В западных губерниях процент грамотных людей был значительно выше, чем в губерниях Центральной России и Украины. Далее к востоку, в Средней Азии, а также на Северном Кавказе, в Закавказье, в Бессарабии этот показатель резко снижался².

К началу 20-х годов положение несколько улучшилось, но по-прежнему было удручающим. К этому времени лишь 58,3 % городского населения и 33,5 % сельского населения было грамотным. Население национальных окраин страны оставалось, как и прежде, в основном неграмотным. Но даже показатель грамотности мало о чем говорит. Это вовсе не означает, что люди действительно овладевали культурным достоянием своей страны и мировой культурой. Это вовсе не означает также, что они овладевали политической, гражданской и бытовой культурой, приобщались к моделям тогдашней цивилизации.

В свое время великий русский просветитель и народолоубец издатель И.Д. Сытин, сам вышедший из гущи народа и прекрасно знавший его истинный облик, писал, что Россия «страна неограниченных возможностей и неограниченного невежества»³. Такой она и осталась к исходу первой трети XX в., несмотря на кампанию по ликвидации неграмотности, избы-читальни, вечерние школы и т.п. Ликбез так и остался ликбезом.

Наконец, и это, возможно, самое важное для тогдашней России, эти миллионы людей, лишь овладевшие азами грамоты и счёта, не имели ни малейшего представления об уважении к человеческой личности, о гражданских правах и свободах, о гражданском долге и ответственности.

Выросшие и сформировавшиеся в условиях сословных ограничений, в официальном разделении на «белую» и «черную» кость, в условиях нищеты, розг и зуботычин, они воспринимали мир сквозь призму унижения личности, бесправия одних и прав и свобод других. Даже городской обыва-

тель, далекий от дикостей российской деревни, десятилетиями рос в условиях «темного царства» пьес А.Н. Островского. А А.П. Чехов, характеризуя облик людей провинциального русского города, замечал в одном из писем младшему брату Николаю: «Плоть мещанская, выросшая на розгах»⁴.

В этом была колоссальная цивилизационная слабость этих миллионов — ведь речь шла о «строительстве» нового светлого справедливого общества. Для этого не было ни профессионального уровня, ни культуры. А главное, у этой массы жизненные критерии силой обстоятельств оказывались невероятно заниженными. Зато эта непритязательность, привычка к лишениям, к повседневной тяжелой жизни, полное неведение относительно комфорта жизни, достигнутого развитыми странами, оборачивались в условиях военного времени ценнейшими качествами как на фронте, так и в тылу.

Законодателем порядка, традиций, обычаев, морали русской деревни являлась выросшая из глубокого средневековья крестьянская община.

С одной стороны, община защищала своих членов, помогала, в том числе в противостоянии с властями, помещиками, а с другой — жестко регламентировала крестьянское хозяйство, крестьянский труд, быт и нравы, передвижение крестьян, уплату ими налогов (круговая порука) и т.д. Община невидимыми обручами сковывала крестьянина, превращала его в винтик большой социально-экономической аграрной машины. Основным принципом жизни общины был принцип уравнительности. Личное, предпринимательское, инициативное начало, все, что было в крестьянстве сильного, индивидуального, билось в тенетах общинного коллективизма, уравнительности, неуважения и подозрительности к любой попытке выщеления и возвышения людей над общим средним уровнем — и в плане отношения к труду, материального благосостояния, и по талантам, способностям, уму. Община не давала крестьянину упасть, но и не давала ему возможности подняться. Как верно подметил в свое время П.А. Столыпин, «у русского крестьянина — страсть все привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до

уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть принижены к пониманию, к устремлению худшего инертного большинства»⁵. Основным смыслом своего реформирования русской деревни Столыпин видел в том, чтобы ликвидировать общину, сделать ставку «не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных»⁷. И что же? Большинство крестьян выступило против разрушения общины, против «крепкого мужика», за знакомую практику передела земель, за принцип уравнительности. Крестьянство оказалось в итоге более консервативным, чем монархическая власть, что было вполне понятно, учитывая сложившиеся вековые традиции, замороженные надолго крепостным правом и существованием помещичьего землевладения, низкий уровень социально-экономического, культурного, гражданского развития русской деревни. Эту общую картину не смогли изменить ни появления «отрубных» и «хуторских» хозяйств, ни прогресс крестьянского хозяйства, в том числе и промышленного, в более свободно развивающихся регионах Севера и Северо-Запада России и Сибири. Русская деревня вплоть до 1917 года оставалась в основном инертной, но склонной к произвольным бунтам и жестоким расправам, к массовым пьянкам по праздникам и к суровой и тяжелой работе в будни, деревней, мастерски описанной Буниным и Чеховым, нежели полем деятельности свободных, динамичных, культурных фермеров, о которых мечтал Столыпин.

Поразительно, но именно община после Октябрьского переворота 1917 г. и Декрета о земле нового Советского правительства поглотила не только помещичьи земли, но и основную массу выделившихся ранее из ее состава хуторов и отрубов. Море крестьянской общины сомкнулось над головой «крепкого мужика», и в этом смысле можно сказать, что сталинская коллективизация с ее примитивным поравнением стала логическим завершением торжества общинно-уравнительных, «социалистических» тенденций в русской деревне.

Новая экономическая политика на время ослабила эту средневековую тенденцию. У трудолюбивой, работоспособ-

ной, динамической части крестьянства появились возможности реализовать свои хозяйственные, жизненные устремления. После уравнильных и разорительных тягот военного коммунизма российская деревня стала оживать, и как результат этого улучшилось положение с продовольствием в городах. Но одновременно с этим вновь заработала сформированная веками общинная спайка против удачливого, работающего соседа, против его поднимающегося и расширяющего хозяйства. Такое состояние дел относилось не только к великорусским губерниям, Украине или Белоруссии, но и к республикам Средней Азии, Северного Кавказа, Закавказья. Там господствовали традиционное хозяйство и традиционные нравы, большинство селений с мусульманским населением чтит шариатские законы; в кишлаках, аулах, на кочевых становищах шла глухая борьба большинства беднейшего населения против «крепких хозяев». Нужен был только сигнал сверху, чтобы ситуация в деревне вернулась вспять, к первым революционным годам «чрезвычайщины». И звук трубы прозвучал на XV съезде ВКП(б) в 1927 г., взявшем курс на коллективизацию сельского хозяйства.

В итоге к 1930 году — году реально начавшейся сплошной коллективизации — российская деревня практически подошла все той же сплоченной отсталой массой, в которой культивировалась ненависть к зажиточному крестьянину, «мироеду», «кулаку», культ силы, репрессий, беспощадность по отношению к тем, кто не такой, как все, небрежения к человеческой личности. Оставалась она такой и до конца войны.

Общинная спайка, безмерный коллективизм, тормозившие жизнь страны в условиях военного времени, оказывались мощной силой, цементирувавшей и фронт и тыл.

Необходимо учитывать и общую милитаристскую настроенность населения, особенно в тех регионах, откуда традиционно как до революции, так и в советское время рекрутировалась армия.

Для истории страны не мог пройти бесследно тот факт, что с XVI по XIX в. Россия воевала 167 раз. Лишь в XIX в. на ее долю пришлось 20 войн, и среди них такая грандиозная

военная эпопея, унесшая жизни десятков тысяч людей, как Отечественная война 1812 года. За первую четверть XX в. русский солдат продолжал постоянно воевать. Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая мировая война, практически без перерыва перешедшая в кровопролитную и яростную Гражданскую войну, а затем ее грозные отзвуки, грохотавшие на просторах Украины во время борьбы с Махно, в тамбовских лесах во время крестьянского восстания, на льду Кронштадта, в среднеазиатских басмаческих песках — таков был нескончаемый путь российского солдата — крестьянина, рабочего — в те поистине страшные годы.

К этому следует добавить, что многие из них унесли в мирную жизнь навыки и психологию военных лет.

К окончанию Гражданской войны под ружьем в России стояла 5-миллионная армия победителей, привыкшая за долгие годы военного противоборства все ключевые вопросы в истории страны решать силой, при помощи оружия. За эти годы не только те люди, но и миллионы рабочих и крестьян научились превосходно владеть оружием. Практически народная масса была вооружена. Миллионы солдат возвращались в свои дома, имея в руках винтовки, револьверы, пулеметы и даже орудия. А главное, они несли с собой нестигаемый дух превосходства силы, вседозволенности и готовы были по первому зову снова взяться за оружие, заняться знакомым делом. Не случайно с таким скрытым напряжением, с колоссальным внутренним протестом основная часть партии — российские низы — встретили переход к новой экономической политике. И В.И. Ленин, который полагал, что переход к НЭПу — это «всерьез и надолго», в то же время, видимо, учитывая это сопротивление единственной для страны альтернативе выживания, без усталости одновременно говорил и писал совершенно противоположное: о временности НЭПа, о необходимости его свертывания, о прекращении «отступления» и т.п. Ученым, вероятно, еще предстоит выяснить, где он был действительно последовательным, а где отдавал дань в своей фразеологии адептам чрезвычайных мер хозяйствования и управления.

К 1930 г. милитаристский менталитет, тяга к «чрезвычайшине» не только не исчезли в умах, ощущениях победивших низов, но, кажется, как это выявил весь ход событий, еще более окреп. Поэтому так легко победившие рабочие, крестьяне-колхозники, городские обыватели принимали всякое бряцание оружием, воинственную риторику по отношению к миру капитала.

Несколько слов о народном мировоззрении.

Оставаясь в цивилизационном плане в основном единой и достаточно монолитной массой, народ во многом лишь поменял после 1917 г. идеологические, мировоззренческие парадигмы, сохранив в душе образ своего врага — всех, кто духовно был выше, культурнее, способнее. И если в начале века народная стихия, огромное количество людей использовали простые и одномерные формулы жизнеустройства, инстинктивно преклоняли колена перед монархом как помазанником Божиим, то постепенно, поменяв общественные ориентиры и привязанности, под влиянием как объективных обстоятельств, так и популистской агитации большевиков, они были вовлечены с 1917 г. по начало 30-х гг. в перманентный революционный процесс, скатывающийся (с нэповским перерывом) все более влево. Как и до революции, поведение миллионов людей характеризовалось, в силу уже отмеченных выше черт, насилием над неугодными им слоями и лицами, социальным реваншем и социальным погромом, крайней жестокостью. Именно эта аморфная традиционистская масса самоутверждалась в причастности к новым идеологическим фантомам, связанным со «светлым будущем», «великими» лозунгами дня, с мессианскими идеями мировой революции. Эти фантомы стали их новой религией. И эта масса преклонила колена перед новыми богами — вождями Советской России, позвавшими их в это будущее, но в первую очередь, предоставивших им реализовать себя в настоящем. Эти люди встали с 1917 г., но особенно активно с середины 20-х гг., под идеологические барабаны новой власти, в грохоте которых ей не случайно слышались родные звуки на тему самодержавия, православия, народности.

Наивно было бы думать, что учение К. Маркса и Ф. Энгельса и впрямь стало путеводной мировоззренческой звездой для миллионных масс России.

О марксизме имели смутное представление и вожди партии. По существу, известные теоретические работы И.В. Сталина, собранные в книге «Вопросы ленинизма» — этой «вершине» советский интерпретации марксизма, — являли собой примитивное, рассчитанное на полуграмотных людей переложение некоторых ленинских работ по тактическим вопросам. Ни в этих работах, ни в докладах Сталина на съездах партии, по существу, нет никаких следов действительно творческого, динамичного марксизма, не говоря уже о катехизисе большевизма — «Кратком курсе истории ВКП(б)». Тщетно было бы ожидать марксистских диалектических откровений от малообразованных соратников Сталина. Это были партийные функционеры, выросшие в тесном единстве с этими массами и нацеленные прежде всего на насильственное сокрушение старого мира, старых порядков и уничтожение людей, их представляющих.

Что касается рабочих и крестьян, то ни о каком марксизме они слыхом не слыхивали. Их путеводной звездой была борьба против «буржуазной контры» и утверждение своих социальных притязаний. Лозунг социальной справедливости был для них абстрактным. Зато близким и понятным являлся лозунг всеобщего равенства, а точнее — социальной уравниловки. Эта доминанта общественного сознания тех лет проходит красной нитью через документы революции, политическую практику времени; великолепно отражена она и в советской художественной литературе 20-х — 30-х гг.

Лозунг социалистической справедливости, которым руководствовались классические социалисты, в сознании и практике масс перерождался в требование социального равенства, которое само по себе одухотворяло людей, а затем в прямой диктат по поводу своей социальной исключительности («рабочее», «бедняцкое» происхождение) и получение за этот счет определенных общественных привилегий. Они в очень короткое время проделали путь от понимания самих

себя как «таких же, как все» к собственному восприятию как «самых лучших», как раз потому, что являлись бедными, простыми, полуграмотными. Именно эти человеческие характеристики в революционную эпоху стали «знаком качества», между тем как прежде эти характеристики ютились на низах социальной лестницы. Мир в социальном плане перевернулся с ног на голову. Именно за этот перевернутый мир, а не за какие-то абстрактные марксистские догмы миллионы людей клали свои головы в годы Гражданской войны, утверждали его в годы «военного коммунизма», а теперь грозно поднимались за дальнейшее углубление и продолжение этих уже ставших традиционными революционных тенденций на исходе 20-х годов, когда зазвучали призывы об очередном «коренном переломе». Эти люди встали во всеоружии и в июне 1941 года.

Культ силы, культ власти, культ социального цивилизационного реванша маленького, полуграмотного человека стал проникать снизу доверху во все поры общества. Поэтому «большой террор», который Сталин и его соратники развязали практически с 1930 г. против всех несогласных, инакомыслящих, был активно поддержан народом. Именно участие в этом терроре народа придало ему массовый характер сделало его поистине «большим». Сотни тысяч, миллионы доносов, массовое представительство в органах ОГПУ-НКВД, в ГУЛАГе, активная наступательная «антивражеская» позиция в разного рода парткомах, профкомах, бюро и т.п., на фабриках и заводах, в учреждениях и учебных заведениях — все это было частью системы, которая складывалась в послереволюционной России и привела к очередному социальному взрыву в 1930 г., во время коллективизации, детонатором которого стала политика руководства страны и в первую очередь Сталина.

Под стать основным массам победившего и утвердившего себя народа являлась и коммунистическая партия, которая после Октябрьского переворота, а затем победоносного шествия революции по стране с каждым годом фантастически увеличивалась в своем составе, на что озабоченно указывал

В.И. Ленин в предсмертных статьях, подчеркивая, что многие люди шли в партию не по идейным, а зачастую по конъюнктурным, материальным соображениям.

К 1921 г. 90 % состава партии вступили в ее ряды во время Гражданской войны. Партия того времени являлась типичным продуктом милитаристской культуры. К 1923 г. лишь 1 % членов партии с дореволюционным стажем состояли в рядах большевиков⁸. Основная масса примкнула к партии именно в годы углубления и расширения революции. В основном это были выходцы из тех слоев народа, о которых шла речь выше. Из этой же массы формировалась и верхушка партии. В конце июня 1930 г. в своем организационном отчете ЦК XVI съезду партии тогдашний секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно лидер московской партийной организации Л.М. Каганович привел такие данные: 88,4 % руководящих кадров партии, представленных на съезде, вступили в нее после 1917 г. 58 % этих кадров вступили в партию в 1918—1920 гг., то есть в годы Гражданской войны и «военного коммунизма»⁹. Это были крестьяне, матросы, красноармейцы и красные командиры — грубая, малокультурная, агрессивная сила, фигурально говоря — люди, обутые в сапоги и гимнастерки, которая составляла основной руководящий состав партии начиная с 20-х и до начала 30-х годов. Именно об этих людях заботился Сталин, когда задумал создать свой «Краткий курс истории ВКП(б)» и теоретически их образовать.

Среди секретарей обкомов партии высшее образование на то время имели лишь 15,7 %, а низшее — 70,4 %. Среди 12 секретарей окружкомов высшее образование имели 16,1 %, а низшее — 77,4 %. Среди секретарей горкомов эти цифры соответственно равнялись 9,7 % и 60,6 %; секретарей райкомов — 12,1 % и 80,3 %. Это были данные о невежестве и бескультуре партийного руководства страны, которому в начале 30-х гг. предстояло совершить «коренной перелом» в истории России¹⁰.

К середине 30-х годов основная часть рабочих и крестьян осталась практически наедине сама с собой — все или почти все противники были повержены, ушли в небытие. 2 млн. че-

ловек оказались в эмиграции, 1,2 млн. — погибли в результате «красного террора»¹¹. Значительная часть старого офицерского корпуса полегла на полях сражений в годы Гражданской войны. Это была большая часть той самой духовной элиты, которая давала токи, интеллектуальное питание всем поколениям живущих в то время людей. 10,5 млн. человек страна потеряла в ходе Гражданской войны. Это была наиболее динамичная, перспективная часть населения. Во главе политики, экономики, культуры на всех уровнях оказались революционные выдвиженцы, люди «нового мира», и они начали преобразовывать этот мир в соответствии со своими представлениями, традициями, уровнем образования, воспитания, в соответствии со своими притязаниями, социальными комплексами. В условиях наступавших потрясений это, естественно, вызывало воодушевление и энтузиазм, который, однако, не был подкреплен профессионализмом во всех сферах жизни, в том числе и в армейской. Оставшиеся в Советской России представители «старого мира» были задвинуты в буквальном смысле слова на задворки истории. Сотрудничество части из них с новой властью, участие в ее органах на основе использования их профессионального опыта не меняло общую изменившуюся социальную панораму тех лет.

Таковы были общественные явления и процессы, предопределившие основные характеристики советского народа к началу Великой Отечественной войны.

В истории России 1930-е годы занимают особое место по сложности происходивших в то время социально-экономических и политических событий: форсированная индустриализация, коллективизация с ее раскулачиванием и насильственным перемещением населения, голод 1932—1933 гг., шквал политических репрессий и т.д. Все эти события не могли не повлечь и повлекли за собой глубинные изменения в социальном и демографическом развитии населения. Изменился во многом и менталитет народа. Все те основные характеристики народа, которые сложились к началу 30-х гг., продолжали действовать и к кануну войны. Но к этому добавились и новые линии.

Форсированная индустриализация легла тяжелым бременем на плечи народа. Коллективизация осуществлялась варварскими методами, сопровождалась бесчеловечным выселением раскулаченных крестьян в места необитаемые или малообитаемые с тяжелыми климатическими условиями.

Коллективизация сопровождалась активным наступлением властей на религию и церковь во всяких обликах — как в деревне, так и в городе.

С начала 1930 г. по всей стране стало нарастать широкое протестное движение против коллективизации, тяжелых условий жизни в рабочей среде, против религиозных преследований. На Северном Кавказе, в Ставрополье, в Сибири и ряде других регионов с января 1930 г. и в течение всего года развернулись настоящие сражения с крестьянами, отстаивавшими свою собственность и защищавшими свои храмы. Множилось количество забастовок, вызванных как экономическими причинами (утяжеление норм выработки, перебои со снабжением, издевательства со стороны управленческого аппарата и др.), так и в знак солидарности с протестами крестьян. Начиналось брожение в среде сохранившейся старой интеллигенции. Ответом стали репрессии, поддержанные большинством рабоче-крестьянской массы и новой «выдвиженческой» интеллигенции.

К середине 30-х гг. протестное движение было задавлено, но следы драматического раскола общества, вызванного коллективизацией, ощущались в нем вплоть до начала войны¹².

Настоящей трагедией стал последовавший за индустриализацией и коллективизацией беспощадный голод 1932—33 гг., охвативший огромную территорию, сопровождавшийся вымиранием людей, распространением трупоедения и каннибализма. Преступная политика власти (как центральной, так и местной) изъятия хлеба, зерновых и прочих сельхозпродуктов, насильственные и непрекращавшиеся, несмотря на возмущение и мольбы, конфискация семенного фонда и «едовых» запасов испугали и возбудили население.

Число жертв голода 1932—33 гг. в последние десятилетия привлекает все большее внимание исследователей и имеет обширную историографию¹³. Отечественные и зарубежные ученые сходятся во мнении, что за масштабы этого всенародного бедствия несет ответственность руководство страны, как в центре, так и на местах. Во многих исследованиях даются оценки численности людских потерь от голода. Однако эта работа еще не завершена. Не названо еще окончательно число погибших во всех советских республиках. Выявление пораженных голодом регионов ведется до настоящего времени. Однако ясно, что людские жертвы огромны настолько, что сопоставимы по численности с потерями кровопролитной войны, а «демографическое эхо» голода ощущается до сегодняшнего дня¹⁴.

В РСФСР голод охватил обширную территорию: Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительную часть Центрально-Черноземной области, некоторые районы Центрально-Промышленной и Западной областей, Южный Урал, Западную Сибирь, часть Восточной Сибири, Дальний Восток. Значительные потери от голода понесли районы Кубани, Дона и Ставрополя. В Поволжье наиболее высокие показатели смертности от голода фиксировались в Саратовской и Самарской (Куйбышевской) областях, Автономной Республике Немцев Поволжья. От голода пострадало население Сталинградской (Волгоградской), Оренбургской, Пензенской, Курской, Орловской, Ярославской областей. Голод охватывал часть Уральской области — территорию современной Курганской области, юг современной Свердловской области и часть Челябинской области. В Западно-Сибирском крае голод распространился на территории современного Алтайского края, а также юг современной Новосибирской области, южную часть Омской области. Голод охватил население Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Оценка численности жертв голода давалась неоднократно. В настоящее время, по наиболее взвешенным и устоявшимся оценкам, в Украине людские потери составляли около 3 млн. (СВ. Кульчицкий)¹⁵, в Казахстане и Киргизии — около

2 млн. человек (Ж.Б. Абылхожин, М.К. Козыбаев, М.Б. Татимов¹⁶; А.Н. Алексеенко¹⁷; Ш.Батырбаева¹⁸), в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) — 2,8 млн. человек (Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова¹⁹; В.Б. Жиромская²⁰). В итоге от голода 1932—1933 годов погибло в СССР около 8 млн. человек.

Сохранившиеся статистические данные показывают отрицательный прирост населения как городского, так и сельского в 1933 г.: в Саратовском крае — 45 %, в Сталинградском — 18,4 %, в Северо-Кавказском крае — 38,5 %, в Азово-Черноморском — 35,5 %, АССР Немцев Поволжья — 74,5 %²¹.

Убыль населения является результатом как значительного роста смертности, так и резкого снижения рождаемости. Показатели смертности в 1933 г. чрезвычайно высоки по всей России. Если они во второй половине 1920-х гг. не превышают 27—28 %, то в 1933 г. они поднимаются до 60, а в некоторых случаях — 70 %. В Саратовском крае уровень смертности сельского населения достигает 70 %, городского — 64 %; в Азово-Черноморском крае — соответственно — 60 и 42 %; в Северо-Кавказском крае — 68 и 36 %; в Сталинградском крае — 38 и 64 %²², в Курской области для сельского населения они составляют 33 %, зато для городского — 44 %²³. Примерно на таком же уровне держатся показатели смертности в Западно-Сибирском крае — 35 %²⁴.

Людские потери в 1933 г. отмечены даже в Западной области и Северном крае²⁵. Как следует из архивных материалов, потери населения в голодные годы охватывают не только село, но и город. В некоторых регионах на фоне положительного прироста населения в сельской местности наблюдался отрицательный в городах: например, в Татарии и в ряде городов Западной Сибири.

Снабжение городов продовольствием было нарушено, выдавались явно недостаточные нормы питания по карточкам. Сверх карточек приобрести продукты питания было трудно, практически невозможно. Особенно страдали от недостатка питания дети и беременные женщины. Но и среди взрослого

мужского и женского населения от голодного истощения и сопутствующих ему заболеваний многие погибали, поскольку, несмотря на слабость и недостаточность питания, вынуждены были работать на производстве с полной нагрузкой.

Таким образом, встречавшийся в научной и научно-популярной литературе тезис о городах как островах «райского благополучия» в голодные годы не подтверждается архивными статистическими материалами. Все названные районы, как и пострадавшие области Украины, были многонациональны. Статистические данные доказывают, что жертвами голода стали люди разных национальностей, что уже само по себе опровергает идею этнического геноцида какого-либо народа. Так, в 1934 г. в городах Саратовского края отмечается убыль русского, еврейского, немецкого населения²⁶, в Азово-Черноморском крае — убыль русского, немецкого, еврейского населения на фоне небольшого увеличения численности украинского и белорусского²⁷, в Сталинградском крае также зафиксирована убыль русских, немцев, евреев, татар, мордвы²⁸, в Курской области — убыль русских на фоне небольшого увеличения украинцев²⁹ и т.д.

Таким образом, голод поразил огромные массы населения разной этнической принадлежности на территории Украины, России, Казахстана, Киргизии. Последствия голода имели долговременный характер. По переписям 1937 и 1939 годов, хотя после голода прошло уже несколько лет, видно, что во многих регионах население так и не восстановило своей численности. Голод сократил и ослабил целый ряд возрастных групп во всем населении СССР, в том числе и в России. Убыль населения видна отчетливо в пострадавших от голода районах.

Нельзя было не знать о миллионах смертей, не видеть беженцев на дорогах, не замечать падающих замертво на улицах городов (в том числе Москвы), куда добирались изголодавшиеся. Многие теряли близких, ничего не знали о судьбах бежавших друзей и родственников, об их гибели. Однако на официальном уровне эта трагедия замалчивалась. Более того, было запрещено под страхом репрессий даже упоминать о

ней в печати. Горе пришлось переживать молча, говорить о жертвах шепотом, под звуки победных официальных реляций. Действия власти вызывали осуждение, власть все более теряла доверие и опору для многих и многих, прежде искренне преданных новому режиму людей. Становилось очевидным несоответствие провозглашенных идеалов и истинного положения вещей. Все это не могло не поколебать монолитность общества победителей, не могло не отразиться на мироощущении людей и не проявиться в критические недели второй половины 1941 г.

Однако испытания на этом не закончились. Непрерывный надрывный труд, тяжелые бытовые условия: коммуналки, бараки, нарушение или отсутствие коммуникаций и жизнеобеспечивающих систем (водопровода, канализации, теплоснабжения); бесконечная система «пайков», антисанитария, чрезмерная скученность населения в городах и т.д. К этому еще добавилась, особенно в городах, работа на предприятиях с вредным производством. Оказывала влияние в негативном плане и изменившаяся в худшую сторону со строительством промышленных объектов в городах экологическая ситуация. Часто жилье строилось (в основном это были бараки) в непосредственной близости к предприятиям с высоким уровнем вредностей.

Отсюда — появление и устойчивое возрастание онкологических заболеваний. Отсюда — периодические вспышки инфекционно-эпидемических заболеваний в городах, в том числе детских, высокий уровень заболеваемости туберкулезом и кишечными инфекциями. При этом известны успехи медицины в этот период, расширение сети клиник, утверждение бесплатного и общедоступного медицинского обслуживания. Но скученность застройки, антисанитария и тяжелые условия труда и быта в городах сводили во многом на нет усилия медиков. Наиболее распространенной причиной смерти являются болезни органов дыхания и у детей, и у взрослых: туберкулез, крупозная пневмония, бронхопневмония, пневмония и бронхит.

Деревня оставалась практически не охваченной развитием инфраструктур, понятие рурурбанизации к этому периоду совершенно неприменимо. Кроме того, хотя после голода уцелевшему сельскому населению выделяются некоторые средства и помощь, регламентация колхозной жизни с ограничениями видов и типов застройки, с выдачей определенных видов продуктов по трудодням, с немалыми потерями в животноводстве и разведении многих не считавшихся на данный момент государственно ценными культур также приводит и к сохранению высокого уровня смертности и заболеваемости сельского населения.

И в городе, и в деревне распространенной причиной смерти являются последствия голодного истощения: у детей до 2 лет — диарея, диспепсия, от которых погибал каждый восьмой ребенок. Среди других причин смерти у взрослых и детей были распространены болезни сердца, желудочно-кишечные энтериты. В итоге умирало много людей трудоспособного молодого и среднего возраста. Так, в самодеятельном населении люди, умершие в конце 1930-х гг. в возрасте от 16 до 29 лет, насчитывали почти 20 % среди умерших всех возрастов, от 30 до 49 лет — 30 %, то есть половина умерших приходилась на самые молодые трудоспособные возраста³⁰.

В итоге показатели демографического развития накануне войны нестабильны: после некоторого снижения в 1935 г. уже в 1936 г. показатель смертности резко возрос, а рождаемость хотя и была относительно высокой, но неустойчивой. В 1939 г. вновь возобладала тенденция к понижению коэффициента естественного прироста населения за счет резкого повышения смертности, особенно детской.

В 1940 г. в СССР рождаемость (7 млн. чел.) была ниже, чем в 1939 г., когда она составляла 7,6 млн. Эффект от запрещения абортов пошел на убыль, а усилившиеся миграционные процессы, связанные с насильственными и ненасильственными переселениями, отрицательно сказывались на показателях рождаемости. Увеличилась и смертность — до 4,2 млн. чел. в 1940 г. В результате коэффициент естественного при-

роста понизился в том же году до 14,7 % против 21,5 в 1939 г. Ожидаемая продолжительность жизни в СССР сократилась у мужчин с 40,5 года в 1939 г. до 38,6 года в 1940, а у женщин соответственно — 46,8 и 43,9.

В 1940 г. в РСФСР коэффициент рождаемости составлял 33 % (3,7 млн. чел. против 4,2 млн. в 1939 г.). Правда, в 1940 г. несколько понизилась смертность населения, составив 20,6 % (2,3 млн. против 2,1 млн. чел. в 1939 г.). Коэффициент естественного прироста за счет понижения рождаемости составил в 1940 г. 12,4 %.

Несколько сократилась в РСФСР в 1940 г. и ожидаемая продолжительность жизни. Этот показатель составил у мужчин 35,7 года, у женщин — 41,9. Разница в продолжительности жизни у мужчин и женщин была большей, чем по стране в целом.

Таким образом, населению страны в 1930-е годы был нанесен удар, сопоставимый по силе с последствиями крупной войны. В демографическом плане страна подходила к войне надломленной. Многомиллионные людские потери деформировали возрастно-половой состав населения³¹.

Если в 1926 году, когда еще сильно ощущались последствия Первой мировой и Гражданской войн, дисбаланс в соотношении полов измерялся цифрой в 5 млн. в пользу женщин, которые составляли 51,7 % всего населения страны, то в 1937 году (в мирное время!) нарушение в соотношении полов стало куда более резким. Мужчин стало меньше, чем женщин, уже на 8,5 млн., а женщины составляли 52,7 % всего населения. Диспропорция полов наблюдалась в более молодых возрастных группах, чем в 1926 году³². Появилась значительная разница в средней продолжительности мужской и женской жизни — соотношение составило 1:1,5.

В возрастной пирамиде обозначились новые «демографические ямы»³⁴. Первая из них видна в возрастной группе детей от 2 до 4 лет. Ее удельный вес среди других возрастных групп упал в 1937 г. до 11 % против 15,2 % в 1926 г.

Следующий демографический провал в численности возрастных групп приходится на группу 15—19 лет, он был прямо связан с низкой рождаемостью в военные и первые после-

военные годы. В 1926 году представителям этих возрастных групп было 5—9 лет, и они составляли 10 % от населения, в 1937 году их удельный вес снизился до 8 %. Если 13-летних было почти 4 млн., то 16-летних только 2,6 млн., а 17-летних — 2,5 млн. Кроме того, их отрочество пришлось на начало 30-х — голодные годы. Это люди 1917—1921 гг. рождения, именно они составят значительную часть призывников в 1941 г.

Деформация в соотношении полов прослеживается и у горожан, и у жителей села: и тут и там преобладали женщины. В принципе, структура населения молода с демографической точки зрения. Лиц старше 60 лет — менее 7 %, то есть до рубежа старения еще далеко. Дети и подростки составляли 36,6 % от всего населения, а молодые люди 15—29 лет — 26,5 %. Молодежи хотя и много, но несколько меньше, чем в 1926 и особенно в 1920 г. Однако в возрастно-половой структуре появились новые и сохраняются прежние возрастные ямы, уменьшающие численность молодых и детских возрастов. Непосредственным результатом этого была пониженная по сравнению с благополучными периодами численность лиц призывного возраста — опасное явление накануне мировой войны, а в более отдаленной перспективе эти возрастные ямы затруднили послевоенное восстановление населения и ускорили процесс старения, лишив население нашей страны целой группы молодых пополнений.

Правительство пыталось сгладить эти провалы запрещением аборт, но рост населения в связи с этим был незначителен и кратковременен, а последствия из-за быстро распространившейся практики нелегального аборта — весьма трагичны.

В результате вместо ожидаемых в соответствии с сформулированным в то время так называемым «законом расширенного воспроизводства населения при социализме» численность населения СССР в 1939 г. составила вместо ожидаемых 183 млн. — 167,7 млн. человек, а РСФСР — 107,9 млн.

Во второй половине 1930-х гг. намечаются признаки кризисных явлений в семейных отношениях. Институт семьи и

его укрепление не являлись главными и «определяющими» в государственной политике. Воспитывалось и осуществлялось на практике превосходство общественных, государственных интересов над семейными. Политика государства часто противостояла семье и скорее разрушала ее, чем укрепляла. В частности действовал принцип, родившийся еще в Гражданскую войну и ставший символом — «Дан приказ ему на запад, ей — в другую сторону». Часто муж и жена направлялись на работу в разные районы нашей необъятной страны. Супруги разлучались на долгое время, не могли обзавестись детьми, вести общее хозяйство и т.д. К тому же был узаконен фактический брак (сожитительство без регистрации). Это узаконение не укрепляло семью, а, напротив, делало брак неустойчивым. В результате в 1930-е гг. было довольно много разводов³⁵.

Происходили ломка и распад больших традиционных патриархальных семей и внутрисемейных отношений не только в городе, но и в деревне. Ослабили семейные связи. Правительство поощряло этот процесс, поскольку было заинтересовано в большей мобильности населения и большей преданности государству.

В социальном плане советское общество было неоднородным. Однако правительство внедрило в переписи трехчленную структуру населения: рабочие, крестьянство, служащие. Но статистики, проводившие переписи и закладывавшие в них программы, всеми силами стремились обойти эту схему, и кое-чего им удалось добиться.

На первый взгляд кажется, что все, кроме рабочих, колхозников и служащих, и впрямь, по словам Сталина, «исчезли с лица советской земли». Но присмотримся к данным переписи 1939 г. Прежде всего вызывает недоумение разбухшая цифра, более чем в 10 раз, категории «нетрудящиеся». Это связано с тем, что в нее были включены священнослужители, лица, живущие на доходы от продажи имущества и сдачи домов, а также нищие, бродяги, проститутки и другие маргинальные слои общества.

Не найдем мы в переписи 1939 г. и лиц свободных профессий. Зато обращает на себя внимание стремительный рост численности государственных служащих в 1939 г. по сравнению с 1937 г., а ведь прошло всего два года между этими переписями. Безусловно, такое увеличение частично объясняется включением туда лиц свободных профессий. С помощью сопутствующей переписи документации во всех этих допусках легко разобраться. Прослеживается тенденция сокращения крестьян-единоличников и некооперированных кустарей. Впрочем, и кооперированных кустарей стало меньше в связи с «наступлением» госсектора на промкооперацию.

Перепись 1937 г. выделила, как и в 1926 г., специальную категорию — заключенные, то же самое повторилось и в 1939 г. В обеих переписях заключенные расписаны по выполняемому занятию в лагерях, а в тюрьмах — по прежнему месту работы.

Появилась новая категория — пенсионеры. Среди них преобладали рабочие (65,5 %) и служащие (25,2 %). На колхозников, кустарей, единоличников социальное обеспечение распространялось мало, оговорены были лишь права рабочих и служащих. При этом пенсионное обеспечение по старости было почти не реализовано, в основном это были пенсии по потере кормильца и по инвалидности.

Обращает на себя внимание разбухший по численности к 1939 г. административно-руководящий персонал. Самая большая часть руководящих работников входила в административный аппарат различных учреждений: руководители и заведующие учреждениями центрального, областного и губернского управления, учреждениями окружного и уездного управления, руководители рай- и волисполкомов и т.д. Они превосходили по численности всех вместе взятых руководителей других отраслей — сельского хозяйства, фабрик и заводов, строительства и пр. В основном среди управленческого состава преобладали мужчины.

Во всех республиках среди высшего административно-управленческого персонала представлены кадры коренной национальности. То же надо сказать и о кадрах высшего

юридического персонала. Например, на Украине украинцев в аппарате было более половины всех высших административных работников, в Грузии грузины среди руководителей учреждений составляли 68,7 %, а в Армении армяне — 93,5 %. При этом управленческий аппарат был многонациональным. В той же Грузии кроме грузин и русских среди управленческих кадров было немало армян, а в Армении были представлены тюрки. В Узбекистане среди руководителей госучреждений узбеки насчитывали 37 %, а среди высшего юридического персонала — 33 %; русских, украинцев в аппарате было 53,4 %, а среди юристов — 59,7 %, кроме того, 6 % работников аппарата составляли таджики, а среди юристов их было 5,1 %. В Казахстане казахов среди руководящих кадров госучреждений было 22,4 %, а среди высшего юридического — 33,6 %, русских было в аппарате 54,4, среди юристов — 44,4; украинцев соответственно — 10,1 и 9,8 %.

Таким образом, административный аппарат в его высшем звене сразу складывался как многонациональный. То же надо сказать и о высшем корпусе юристов.

Большая часть управленческого аппарата госучреждений была представлена кадрами зрелого возраста — 30—39 лет (среди мужчин их было 45, а среди женщин — 30,3 %). Значительной была и доля молодежи 25—29 лет (соответственно и среди мужчин, и среди женщин — 25,7 %). Среди женщин большую долю, чем среди мужчин, составляли также 20—24-летние. При этом в аппарате на руководящих должностях пожилых людей было мало. Старше 50 лет мужчин — 4,5 %, женщин — 3,4; в том числе старше 60 лет — 0,9 и 0,5 %³⁶.

Если сопоставить приведенные данные с данными о возрастном составе фабрично-заводской администрации высшего звена, то увидим, что эта последняя гораздо старше по возрасту. Возьмем молодежную группу мужчин 20—24 лет, их удельный вес составлял всего 3,3 %, а в сельском хозяйстве — 3,6, зато в учреждениях — 16 %. Аналогичная картина и с группой 25—29 лет: соответственно 14,8; 14,1; 25,7 %. Напротив, люди более старшего возраста (40—49 и 50—59 лет) имели больший удельный вес среди администрации высшего звена

в фабрично-заводской промышленности и в сельском хозяйстве, чем в аппарате учреждений: 25,9 и 9,0; 26,4 и 10,5 против 13,6 и 3,6 %. Однако самой большой группой в аппарате высшего звена во всех отраслях остается возрастная группа 30—39 лет. Сопоставление данных приводит к некоторым размышлениям.

Слишком активно руководящий аппарат госучреждений пополнялся молодежью, не имеющей достаточного хозяйственного, жизненного опыта и политической зрелости. Видимо, это были люди, имевшие стаж комсомольской или партийной работы и выдвинутые в административно-управленческий аппарат. Судя по возрасту, они получили образование в советское время, часто методом ускоренной подготовки через разную систему курсов, школ и т.д. Там, где требовались профессиональные знания: на строительстве, в фабрично-заводской промышленности и т.д., кадры руководителей значительно старше. Особенно удивляет слишком молодой состав высшего руководящего персонала среди юристов, вряд ли они успели получить соответствующую профессиональную подготовку. Так, группа 25—29-летних составляла среди них 28 % (мужчины), женщин — 38 %, а 40—49-летних — соответственно 13,9 и 4,8 %. Группа старше 50 лет малочисленна.

Конечно, молодежь должна была пополнять аппарат, обновлять его, привносить чувство нового, но это новое должно быть уравновешено опытом, профессионализмом старшего поколения, особенно когда речь шла о высшем административно-руководящем звене госучреждений, а тем более о высшем юридическом персонале. Ведь это были прокуроры и судьи, которые вершили судьбы людей. А в то время судопроизводство практически потеряло состязательный характер, суда присяжных больше не существовало. Молодежи между тем были свойственны и поспешность в принятии решений, и дефицит милосердия, и излишний радикализм.

Показательно, что юридический аппарат вырос не за счет судей, а в значительной степени за счет прокуроров и следователей, число которых возросло по сравнению с 1926 г. в

2 раза: если прежде их было меньше, чем судей, то теперь они превысили численность последних в 1,5 раза. Такое расширение состава органов прокуратуры и следствия вполне объяснимо в связи с усилившимися репрессиями.

Кроме большой численности руководящего персонала в переписи 1939 г. видна сложившаяся, разветвленная номенклатурная сеть, которая охватывает все сферы хозяйственной и культурной жизни, просвещение и здравоохранение и т.д.

Можно было бы предположить, так как с 1917 г. прошло немало лет, что аппаратчики получили солидное образование. Однако этого не произошло. Правда, грамотность их достигала теперь 99,7 % и, следовательно, неграмотных среди них было только 0,3 %. Но при этом законченное среднее образование имели менее трети всех руководителей, а высшее получили только 6,7 %. Можно предположить, что среди руководителей часто встречались и такие, которые получали свое образование, не прерывая работы. Но и это было не так. Среди них учащиеся составляли менее 7 %, в том числе в вузах и техникумах — 0,6 %. Из приведенных цифр видно, что они не имели даже законченного среднего образования и при этом нигде не учились примерно около 56 % руководящего состава.

Так обстояло дело с уровнем образования у всего руководящего персонала, но было еще самое высшее его звено: руководители общесоюзных, республиканских и областных учреждений и организаций. Показатели по образованию хотя и несколько выше, но тем не менее и здесь 20,7 % не имели полного среднего образования и нигде не учились. Больше было лиц с высшим образованием (20,5 %), но и они составляли всего пятую часть всего высшего эшелона власти. О грамотности и образовании всего населения дали сведения переписи 1937 и 1939 гг.

Всесоюзная перепись населения 1937 г. была предпоследней переписью, которая учла грамотных и неграмотных. После Всесоюзной переписи 1939 г. ни одна последующая перепись таких сведений не содержала. Нужно сказать, что уже к середине 1930-х годов в официальной печати укоренилось

мнение, что наша страна стала страной сплошной грамотности и что с неграмотностью населения окончательно покончено. Поэтому правительство ожидало от переписи 1937 г. стопроцентных показателей в этой области. Что же зафиксировала перепись 1937 г.? Политика ликбеза добилась немалых успехов в распространении грамотности: среди мужчин было 86 % грамотных, а среди женщин 66,2 % (с 9 лет и старше). Особенно высокие показатели грамотности были у молодежи: среди 12—14- и 18—19-летних грамотных было свыше 90 %.

Но вместе с тем нет ни одной возрастной группы, в которой бы не было неграмотных. Напомним еще раз, что грамотным считался тот, кто мог читать по слогам и написать свою фамилию. При таком низком критерии грамотности даже среди молодежи до 20 лет было от 5 до 8,5 % лиц, не умеющих ни читать, ни писать. Чем старше возрастная группа, тем выше процент неграмотных; в возрасте 30—34 лет таких насчитывалось 20 %, 40—44 лет — 33, а среди 60—64-летних неграмотных было 66,8 %. У мужчин показатели неграмотности были ниже, чем у женщин. В молодом и среднем возрастах процент неграмотных мужчин невысокий, даже в 40—44-летнем возрасте он не выходит за пределы 16, а в 18—19 лет он составляет всего 5,2 %. Переломным является 50-летний возраст, когда показатель неграмотности сильно возрастает, достигая к 60—64 годам 44 %.

У женщин с грамотностью дело обстояло гораздо сложнее. В 12—14-летнем возрасте, равно как и в 18—19 лет неграмотных было так же мало, как и у мужчин: соответственно 5 и 11,5 %. Однако в возрастной группе 20—24-летних их уже насчитывалось 19 %. Гораздо раньше, чем у мужчин, происходило резкое увеличение показателя неграмотности. У 30—34-летних женщин почти треть неграмотны, а у 40—44-летних таких было половина; женщины в 60—64 года на 83 % были неграмотны. Очевидно, многие девочки старше 10 лет своевременно в школу не пошли, а к 15 годам девушка считалась уже невестой, хозяйкой и грамоте не обучалась.

Образование не имело широкого распространения в обществе. Во всяком случае, грамотных, но не имеющих обра-

зования, в возрасте старше 16 лет — 59 %, причем грамотных мужчин без образования 70,6 %, а женщин — 49,1 %.

Среднее образование имело всего 4,3 % населения, а высшее — 0,6 %. Среди мужчин показатели несколько выше: соответственно 4,7 и 0,8 %, но среди женщин они ниже среднего: 3,9 и 0,3 %.

Основная масса людей, имеющих образование, принадлежала к возрастным группам 18—45 лет (среднее образование) и 26—45 лет (высшее образование). В других возрастных группах лиц со средним, а особенно с высшим образованием немного.

Женщины, получив доступ к образованию, начали довольно активно его реализовывать. В возрастной группе 12—14 лет образование имели 8,2 тыс. мужчин и 8,7 тыс. женщин. Любопытно, что в старших возрастных группах женщин со средним образованием больше, чем мужчин. Даже в группе 60—69-летних женщин со средним образованием насчитывалось 34 тыс., а мужчин — 28 тыс. Более доступным для женщин стало и высшее образование. Заметно, что женщины стремились его получить еще до замужества. Так, в группе 20—24-летних мужчин с высшим образованием было 24 тыс., а женщин — 28 тыс., хотя в целом мужчин с высшим образованием больше, чем женщин.

В 30-е годы широко распространялось мнение, будто у нас в стране учатся все — «от мала до велика». Перепись показала, что учащихся от населения насчитывалось 17,8 %. В начальной школе учились с 8 лет. Правда, немало людей обучалось и в более старшем возрасте — вплоть до 17 лет. В возрасте от 18 до 35 лет учились в основном либо в средней школе, либо в техникуме, с 19—20 лет — в вузе.

Среднюю школу заканчивали к 18—19 годам (основная масса учащихся). В начальной и средней школе было много переростков. После 18 лет число учащихся резко сокращалось, а ведь тогда в стране было много неграмотных, которые по каким-то причинам не были охвачены обучением, и остались в лучшем случае малограмотными.

В деревне было широко распространено начальное образование, а в городе — среднее. Однако из данных переписи следует, что основным видом обучения, самым распространенным среди населения, оставалось начальное образование. В начальной школе обучались 46 % мужчин-учащихся и столько же женщин. В старших классах средней школы учащихся было менее 1 %. Примерно столько же учащихся получало образование в техникумах. Мужчины предпочитали специальное образование в техникумах, женщин там было меньше — соответственно 405 тыс. и 507 тыс.

В вузах обучалось 335 тыс. мужчин и 226 тыс. женщин (заочные виды обучения перепись не учитывала). От всех учащихся это составляло соответственно 0,4 и 0,3 %. Получение высшего образования затягивалось у многих до 49-летнего возраста. Таким образом, специалистов с высшим образованием выпускалось немного.

Итак, если оценивать ситуацию, зафиксированную переписью в области грамотности и образования населения объективно, то следует признать, что в стране был достигнут прогресс по сравнению с 1920-ми годами: подавляющая часть населения стала грамотной, дети и молодежь были широко вовлечены в школы, техникумы и вузы. Впервые за сотни лет женщины в нашей стране были допущены ко всем видам обучения. Но полученные результаты переписи отразили не только успехи в этой области.

Грамотность оказалась вовсе не «сплошной», а среднее и высшее образование отставало от требований времени. Учитывая низкий критерий грамотности, можно сделать вывод, что в обществе был высокий процент малограмотных людей. (Проблема ликвидации малограмотности и повышения культурного уровня населения остро стояла в нашей стране вплоть до 1970-х гг.)

Состояние грамотности и образования было еще одной причиной, из-за которой правительство запретило перепись 1937 г. Уже слишком данные в этой области не совпадали с радужными прогнозами в канун переписи.

Тем не менее, в стране был открыт широкий доступ ко всем видам образования, в том числе и высшему, и это играло свою положительную роль. Был дан призыв «Пролетарии — в вузы». Подготовка к ним происходила через рабфаки. В 1925 г. прием рабфаковцев в промышленные вузы РСФСР составил свыше 66 %. Однако рабочие их не всегда заканчивали, а чаще всего не имели такой возможности. Только десятая часть выпускников вузов приходилась на выходцев из рабочих. В 1933—37 гг. диплом о высшем образовании получили примерно 90 тыс. рабочих, это в лучшем случае 1,5 % от количества промышленных рабочих в 1937 г. К 1939 г. число рабфаков сократилось, а следовательно, и получающих на них образование рабочих. В целом же уровень общего образования рабочих был в 1939 г. невысоким. Из всех рабочих 8,4 % имели образование от 7 классов и выше. По отдельным профессиям она поднималась до 15,2 %. 7 классов и выше имели более 17 % металлистов, 9,9 % бумажников, 4,4 % обувщики и т.д. Эти рабочие были в меньшинстве, а доминирующие численно группы были рабочие с образованием 1—6 классов. Среди рабочих были неграмотные. Самый низкий процент их — 2 — имели металлисты, самый высокий — лесозаготовщики — 15,7 %. При этом очень малый процент рабочих обучался в техникумах, в вузах — от 0,9 до 0,1 % по разным профессиям. М. Фельдман предполагает, что к 1941 г. 30 % молодых рабочих имели незаконченное среднее образование, т.е. 7 классов, а молодые рабочие с 7-9 классами образования составляли 1,3 %, и четверть молодых рабочих имела начальное образование³⁷. Германские рабочие, по подсчетам М.Фельдмана, в то же время имели образование не менее 8 классов. Однако дело здесь не только в общеобразовательной подготовке, но еще и в общей профессиональной. Справедливость требует отметить, что в 1930-е гг. действовала программа повышения культурно-технического уровня рабочих крупной промышленности. Сочетание подготовки рабочих путем обучения в профтехшколах и непосредственно на производстве ставило целью существенное повышение квалификации. Следует отметить обязательность и последо-

вательность стадий обучения. Учащиеся сдавали техэкзамен. Повышение квалификации рабочих проходило через школы распространения передового опыта, достигнутого новаторами стахановского движения³⁸.

Неблагополучная ситуация, тяжелые условия жизни меняют менталитет населения. Нарастают и недовольство, и разочарование. Консервация общинной психологии многих устраивает, но и не удовлетворяет многих.

Наличие этого недовольства, различных, чаще скрытых, форм неподчинения — например, бегство из села, несмотря на все ограничения — отсутствие паспортов, невыдачу справок и т.д.³⁹, — приводит к закреплению репрессий как части управления государством. Из отдельных кампаний они быстро перерастают в постоянно действующий механизм устрашения и принуждения, связанный не только с обеспечением многих объектов даровой рабочей силой, но и с необходимостью подавления растущего недовольства и сопротивления. Ужесточение репрессий говорит о том, что в обществе назревало скептическое отношение к деятельности правительства. Например, материалы следственных дел показывают, что рабочие критически оценивали советскую действительность, рассматривали Сталина как диктатора, а положение рабочих как кабалу⁴⁰.

От репрессий страдали все слои общества. Репрессии еще более усугубляли и без того напряженную обстановку. Лагерь и тюрьмы уносили ежегодно сотни тысяч жизней, причем погибают люди — в основном мужчины — молодого и зрелого возраста.

Характеристика менталитета того времени была бы неполной без уникальных материалов об отношении народа к религии, собранных в роковом 1937 г. Полное фиаско потерпела официальная пропаганда атеизма, навязываемого населению. Сколько ни внушали людям, что религиозность — это пережиток прошлого в сознании, признак консерватизма, отсталости и «темноты», большая часть населения страны оказалась по переписи 1937 г. верующей.

Все это вместе взятое оказало известное влияние на появление как военного, так и гражданского коллаборационизма.

Анализируя полученные переписью данные, нельзя забывать ни о той ситуации, в которой респонденты давали свои ответы на вопрос о религии, ни о сомнениях и страхах, их тогда мучивших. Это не могло не отразиться на результатах опроса. В действительности верующих, безусловно, было больше, чем показали данные. Но и в той ситуации большая часть населения своих убеждений не скрыла. Верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн., против 42,2 млн., или 56,7 против 43,3 % от всех выразивших свое отношение к религии. 0,9 млн. отказались ответить на этот вопрос. Не было ни одной возрастной группы, ни в городе, ни в селе, в которой бы не нашлось верующих, даже среди молодежи⁴¹. И не случайно, уже в ходе войны, руководство страны воззвало к религиозным ценностям, видя в них одну из нравственно-патриотических опор в тяжелую для народа годину.

Таким сложным, неоднородным по своему отношению к действительности, к идеалам, пропагандируемым сверху, встретил советский народ войну. В этой сложной ситуации люди сохранили традиционные духовные и моральные ценности: веру, любовь к родной земле, чувство национальной гордости и независимости.

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. Т. I. 1900-1939 гг. С. 11-13, 15. См. также: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 237; Жиромская В.Б. Советский город в 1921-1925 гг. Проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 73, 74.

² См.: Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 237.

³ Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 369.

⁴ Рейсфельд Дональд. Жизнь Чехова. М., 2006. С. 190. Письмо датировано 1886 г.

⁵ См.: Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 309-310.

⁶ См.: Россия в начале XX века. С. 494.

⁷ См.: *Сахаров А.Н.* Россия в начале XX века: народ, власть, общество. В кн.: *Сахаров А.Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. С. 301.

⁸ См.: *Троцкий Л.Д.* Сталин. Benson, Vermont, 1985. Т. ГС. 15. Т. П. С. 215.

⁹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б). 26 июня — 13 июля 1930 г. Стенографический отчет». Т. I. М., 1935. С. 154.

¹⁰ И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)». // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 4.

¹¹ *Эрлихман Вадим.* Потери народонаселения в XX в. М., 2004. Социально-экономический и правовой аспекты. Гл. 5. ГУЛАГ — карательная система нового типа. М., 2006. С. 162—166.

¹² См. подробнее об этом: *Сахаров А.Н.* 1930-й год «коренного перелома» и начала Большого террора. «Вопросы истории». 2008. № 9.

¹³ См., например: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. Т. 3. 1930—1933. М., 2001; *Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осолков Е.Н.* О голоде 1932—1933 годов и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6; *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 годов и демографическая катастрофа 30—40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3; *Данилов В.П., Зеленин И.Е.* Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // История. 2004. № 5; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; *Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У.* Кризис в советском сельском хозяйстве 1931—1933 // Отечественная история. 1998. № 6; *Wheatcroft S.G., Davies R.W.* In the Mirror of the Soviet Statistics // *Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G.* (eds.). The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913-1945. Cambridge, 1994; *Максудов С.* Потери населения в годы коллективизации // Звенья. М., 1991. № 1; Он же. Потери населения СССР. Вермонт, 1989; *Конквест Д.* Жатва скорби: советская деревня и террор голодом. Лондон, 1988; и ряд др.

¹⁴ *Жиромская В.Б.* Голод 1932—1933 гг. в России: оценки людских потерь // Преподавание истории и обществознания в школе. 2009. № 6. С. 13—15.

¹⁵ См. Голод 1932—1933 роїв в Україні причини та наслідки. Киев, 2003. С. 503.

¹⁶ *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7; С. 65—67.

¹⁷ *Алексеев А.Н.* Голод начала 30-х годов в Казахстане (методика определения числа пострадавших) // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992; С. 76—78.

¹⁸ *Батырбаева Ш.* Население Кыргызстана в 20—50-е годы XX века: Историко-демографический анализ. Бишкек, 2003. С. 222—226.

¹⁹ *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России: 1927-1959. М., 1998. С. 83.

²⁰ См. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг.: Взгляд на неизвестное. М., 2001. С. 31; Она же. Голод 1932—1933 гг. в России... // Преподавание истории и обществознания в школе. 2009. № 6. С. 13—15. В расчетах учтены новые данные, в основном региональные, о жертвах голода.

²¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17. Л. 77-77 об.; 137-137 об.; 143-143 об.; 140-140 об.; 134-134 об. (подсчеты Жиромской В.Б.).

²² Там же. Л. 75-75 об.; 76-76 об.; 135-135 об.; 136-136 об.; 41-141 об.; 142-142 об.; 138-138 об.; 139-139 об. (подсчеты Жиромской В.Б.).

²³ Там же. Л. 48-48 об.; 49-49 об. (подсчеты Жиромской В.Б.).

²⁴ Там же. Д. 147—47 об. (подсчеты Жиромской В.Б.).

²⁵ Там же. Л. 73-73 об.; 99-99 об. (подсчеты Жиромской В.Б.).

²⁶ Там же. Д. 55. Л. 70.

²⁷ Там же. Д. 55. Л. 52-52 об.

²⁸ Там же. Д. 55. Л. 65.

²⁹ Там же. Д. 55. Л. 67.

³⁰ Там же. С. 24-25.

³¹ Там же. С. 92-95.

³² Там же. С. 92.

³³ Там же. С. 94-98.

³⁴ *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927—1959 гг. Тула. 2009. С. 86-89.

³⁵ *Жиромская В.Б.* Указ. Соч. С. 179-183.

³⁶ Там же. С. 125.

³⁷ *Фельдман М.А.* Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900-1941 гг. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 27, 24.

³⁸ Он же. Советское решение рабочего вопроса на Урале (1929—1941 гг.). // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 127.

³⁹ *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939—1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 71—72.

⁴⁰ *Фельдман М.А.* Указ. соч. С. 129.

⁴¹ Там же. С. 191.